

МИЛЕНА МАРКОВИЧ

[80]

ил 11/2015

Драконоубийцы

Героическое кабаре

Пьеса

Перевод ЛАРИСЫ САВЕЛЬЕВОЙ

Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты.

Евангелие от Матфея. 23:27

Действующие лица:

Учитель, бездетный, беззубый, желтые пальцы, ничтожный, превращается в Гачиновича, Европейского ученого, Отца Чабриновича, Председателя суда

Гимназисты

Первый драконоубийца Гаврило Принцип, сначала это Жалкий гимназист, мелкий, нищий, ничтожный, а потом он превращается в Жераича

Второй драконоубийца Неделько Чабринович начинает как Веселый гимназист, потом Ассистент, потом Хозяин корчмы, а потом Молодой рабочий

© Милена Маркович, 2014

© Лариса Савельева. Перевод, 2015

ТРЕТИЙ ДРАКОНОУБИЙЦА ДАНИЛО ИЛИЧ превращается в ПЕРВОГО ЖАНДАРМА, потом в ФОТОГРАФА, потом в СЛАБОУМНОГО, потом в КРЕСТЬЯНИНА

ЧЕТВЕРТЫЙ ДРАКОНОУБИЙЦА ТРИФКО ГРАБЕЖ начинает как ВТОРОЙ ЖАНДАРМ, потом ПЕДИК, а потом СТАРЫЙ РАБОЧИЙ, потом ВТОРОЙ КРЕСТЬЯНИН
СНИВШАЯСЯ ДЕВУШКА — это и ШЛЮХА, и ДАМА СМЕРТЬ, и СЕСТРА ЧАБРИНОВИЧА и ВТОРАЯ КРЕСТЬЯНКА

МЕСТНАЯ БАРЫШНЯ — это и БЕЛАЯ ДАМА, и СКУЛЬПТОР, и БАБУШКА ЧАБРИНОВИЧА, и КРЕСТЬЯНКА, и НАНА

Остальные

ЗРЕЛЫЙ МУЖЧИНА — это человек, который играет ТРОЦКОГО, брата ДАНИЛО ЙОВУ, ОФИЦЕРА, УЛИЧНОГО ХУЛИГАНА, ВЕЛЬКО ЧУБРИЛОВИЧА

МАМА — это мать ГАВРИЛО ПРИНЦИПА, и МАТЬ ДАНИЛО ИЛИЧА, и МАТЬ ЧАБРИНОВИЧА

ЗАВХОЗ, МОГИЛЬЩИК, КРЕСТЬЯНИН С ЯГНЕНКОМ на руках, КРЕСТЬЯНИН МИТАР, ПАЛАЧ, СОЛДАТ ФРАНТИШЕК — всех их играет один человек.

РАБОЧИЙ, МУЛЛА, ФРАНЦИСКАНЕЦ, ПОП

На сцене школьные парты, стулья, школьная доска, лестница, а на ней виселица. Повсюду расставлены микрофоны, чтобы люди могли петь, вешалки с пальто, военной формой, фраками, фесками, фуражками, шароварами, платьями, масками, париками и всем, что нужно, чтобы люди могли одеваться. На подходящем месте нужно положить цепи и кандалы.

При необходимости на сцену приносят тюфяк, очаг, решетки, витрину, столы.

В центре горит надпись светящимися буквами.

В смене сценографии и в хоровом пении участвуют все, кто не играет и не переодевается.

Первая картина Школьный класс

Гимназисты и гимназистки сидят за партами и некоторые слушают Учителя, некоторые делают вид, что слушают. Завхоз что-то делает с окнами и нервирует этим Учителя. Тишина.

Учитель. Итак, вы прочитали. Теперь поговорим. Что же такое истина, друзья мои, дети мои? Кто прав? Что бы было, если бы не было этого? Как знать... Было бы лучше

или хуже? Существует ли истина? За что бороться? Все ли — ложь? Что за всем этим кроется? Как вы думаете... Выскажитесь. (*Пауза.*) Не может быть, чтобы вы ничего не думали. Ну, конечно, если вы не прочитали, то я не знаю, что делать. Что, неужели никто ничего не скажет?

Тишина. Сбившаяся девушка улыбается.

МЕСТНАЯ БАРЫШНЯ. Не в этом дело, просто мы все думаем разное. Могу сказать я. Мне есть, что сказать.

УЧИТЕЛЬ. Как раз ты и не можешь, ты постоянно выступаешь, хотелось бы кого-то другого немного послушать. Да ты что-то сегодня и не в настроении. Тема тебе не нравится. Не вчера все началось, что бы ты ни думала. И не все сейчас. Вот ты скажи мне что-нибудь об авторе этой книги.

СНИВШАЯСЯ ДЕВУШКА (*смотрит в предисловие*). В него товарищ бросался каштанами и попал в глаз, и он на один глаз ослеп. Тогда то, что он ослеп, привело к тому, что он и другим глазом не особо хорошо видел, а это привело к тому, что он очень скоро погиб во Второй мировой войне.

УЧИТЕЛЬ. То, что ты сейчас подсматривала в предисловии, мне безразлично. Но послушайте, дорогие мои, этот писатель, автор этой книги, слепым пошел на войну! Какие убеждения у него были, люди мои, вы только подумайте... Должен ли он был поступать так... Страшные вопросы, страшные вопросы... Но, это Вторая мировая война, девушка, а то, о чем мы сейчас говорим, о чем говорим сейчас, это было перед Первой мировой войной. То есть когда прервался вальс. Когда замолкла музыка в парке и мир оказался устлан человеческими телами. Молодыми телами, такими, как ваши. Прошу.

ВЕСЕЛЫЙ ГИМНАЗИСТ. Он пишет о том, что Германия хотела на корню изничтожить великосербское движение, которое было проблемой для ее экспансии на Восток, и чтобы наказать этих “свиноводов”, которые убивают коронованных особ. Она из-за этого поддерживала австрийскую политику на Балканах, и эта политика привела ко всему тому, что случилось, и приводит и в наши дни, только теперь в этой игре участвуют не те страны, что тогда.

ЖАЛКИЙ ГИМНАЗИСТ. Но это означало бы, что одна-единственная страна осознанно делает что-то против какой-то другой страны, а все вовсе не так, потому что война — это следствие империализма, это не какой-то

народ, или какое-то правительство, или какой-то человек, или какое-то событие. Капитализм порождает войны.

Учитель. Верно, но смотри, ведь, с другой стороны, империализм и капитализм подняли мир...

Жалкий гимназист. Но они вкладывают деньги в дороги и торговлю, а не в науку и культуру, они стараются держать народ в незнании, а элиту коррумпируют. И капитализм должен постоянно развиваться, иначе он рухнет.

Учитель. Я рад, что вы прочитали. Хорошо, давай теперь ты расскажи, про первый выстрел.

Местная барышня. Стрелял Богдан Жераич в генерала Варешанина, вообще-то это менталитет гайдуков — устроить засаду и открыть пальбу, только они вовсе не были гайдуками, они все как один были больными. Этим воспользовались заговорщики из Сербии, эти полуграмотные придурки воспользовались ими, интересно, что это был настолько примитивный народ, что у них вообще не было фамилий, среди них грамотными было всего несколько человек... Из грязи вылезли и нас тащат в грязь.

Учитель. Верно. Грязь, неграмотность, ужасные дороги, свинарники...

Местная барышня. Хватит с меня этих мракобесных историй о прошлом, мне надоело бить себя в грудь. Я хочу путешествовать и учиться реальным вещам в реальном мире. Хочу есть качественную еду и мыть голову качественным шампунем, хочу видеть за окном красоту, хочу жить цивилизованно.

Веселый гимназист. Одни эксплуататоры заботятся о красивом виде за окном, другие не заботятся, а что касается меня, то, по-моему, те, которые заботятся, они хуже...

Местная барышня. А что касается меня, то я получила в наследство то, что здесь было, и теперь обязана раздражать ленивым, полуграмотным, самодовольным, примитивным дегенератам и изучать их жизнь.

Жалкий гимназист. Это кто же ленивый и полуграмотный? Считаешь, что ленивый и полуграмотный из-за того, что у меня ничего нет? Мои родители полуграмотные и примитивные? Весь наш народ ленивый, и полуграмотный, и примитивный? Его надо перевоспитать или уничтожить?! Кто, блин, полуграмотный?!

Местная барышня. Насчет тебя я ничего не говорила.

Жалкий гимназист. А я тебя спрашиваю, кто ленивый, полуграмотный и примитивный? Кого ты имела в виду? Греков, сербов, кого?

Местная барышня. Иди, бросай гвоздики на танки!

Веселый гимназист. Не болтай глупости.

Местная барышня. А значит, я болтаю глупости, потому что я женского пола? Тебе мешает, что я женского пола.

Учитель. Спокойно, все в порядке, не надо оскорблений. Это никуда не годится, но любое живое обсуждение приветствуется. И еще хотелось бы, чтобы ты хоть раз взялась всерьез прочитать какую-нибудь книгу. Итак, что ты думаешь о том, что сейчас услышала? Знаю, книгу ты в глаза не видела, но сейчас, на уроке, кое-что услышала?

Снившаяся девушка смотрит на Учителя простодушно, но с кокетством.

Снившаяся девушка. Я думаю, какой прекрасный сегодня день.

Учитель. Да, всегда есть те, которые думают только о настоящем моменте. Ну а представь себе, голубушка, что твой любимый ушел на войну.

Снившаяся девушка. Не хочу быть дерзкой, но вы спросили, что я думаю, и я сказала, что думаю. Я не представляю себе таких вещей.

Учитель. Мы все можем это представить. Тогда, дорогие мои, умер существовавший до этого мир. Почему?.. То ли потому, что кто-то имел мало, а другие еще меньше и хотели, чтобы у них было хоть что-то. То ли потому, что некоторые хотели иметь все... То ли потому, что такова человеческая природа.

Тишина.

Жалкий гимназист смотрит на остальных и вдруг сгибается в три погибели.

Жалкий гимназист. Что-то мне нехорошо.

Остальные начинают звенеть цепями, топтать ногами, завывать и рысцой, притопывая, кружиться в народном танце "коло". Страшная музыка звучит довольно долго.

Гимназисты расставляют парты и накрывают их скатертями, чтобы было как в корчме.

Жалкий гимназист превращается в Жерайча, перед ним ставят красное вино, которое он не пьет. Напротив него кто-то сидит, другой прибирается в корчме, а Завхоз превращается в напившегося Крестьянина с ягненком на руках, которого он хочет продать. Гимназистки, после того как помогут в корчме, уходят со сцены.

В самом начале зонга загорается световая надпись БОГДАН ЖЕРАИЧ.

Зонг “Шесть пуль”

ЖЕРАИЧ.

Я много страдаю и не осталось сил
Ни думать ни рассказывать,
Страшные чувства, страшно все, что вижу,
Не верю ни в чем ни себе ни другому.
Только думаю, есть люди совсем никчемные,
Я такой вот жалкий человек и был таким всегда,
Я жалкий растоптанный деревенщина, веселый
европейский раб.

Жалкое наше состояние: все что было здесь великое,
Настоящее, святое воистину, ничего не осталось.
Еще меня мучает мое тело, вот бы не было его.
Заряжу свое ружье и начну стрелять куда попало,
Пять пуль выпущу, шестую закушу зубами сам.
Все темно, все мрачно, вот бы тела у меня не было,
Все печально, все кланяется, шесть пуль выпущу.
Кто хочет жить — пусть помирает,
Кто хочет умереть — пусть живет.

Гаснет свет, освещенным остается только Крестьянин с ягненком.

Крестьянин с ягненком. Стрелял бедняга, да не попал.

Вторая картина Могила Жераича

Учитель, гимназисты и гимназистки устраивают кладбище из парт и стульев и превращаются в гимназистов младобоснийцев.

Крестьянин с ягненком превращается в Могильщика.
Учитель — в Гачиновича. Жераич — в Принципа.

Светящаяся надпись МОГИЛА ЖЕРАИЧА.

Все собрались вокруг Могильщика и слушают его. Он опирается на лопату, видно, что любит произносить речи.

Могильщик. Все пять пуль мимо. Одна могла попасть в глаз, но господин нагнулся вперед, чтобы плюнуть на туфли. Прекрасно, обувь у господ вещь важная, сапожки, туфельки, беда, если некому чистить, а здесь было, кому чистить, всегда было, но когда господа едут в коляске, то не очень удобно — люди на тебя смотрят, а ты останавливаешься и

говоришь: чисти, нет, нет, в таком случае господа чистят обувь в кабинетах, в коридорах, чтобы никто не видел, если могут наклониться, несмотря на свой живот, в том смысле, что живот мешает, не может не мешать, и тогда, значит, плюешь на платок и нагибаешься, у господ военных животы тоже есть, но крепкие, не то что тянешься к нему, как будто занялся гимнастикой, и протираешь сапожки, туфельки, и, когда из коляски выходишь, они сверкают, люди в них смотрятся, в такие блестящие. Значит так, промазал пять раз, дети мои, просвистели пули зазря. Тогда, когда шестую пулю парень проглотил, тот что в земле, он не ждал, не смотрел, сдох ли тот, а тот не то что не сдох, а вышел из коляски в чистых туфлях, и, пока этот умирал, господин пинал его ногами и кричал “Дерьмо”, а знаете, я не знаю, может, и был он дерьмо, а может, и нет. Вот, а здесь хоронят самоубийц и нищих, а у парня, там, головы нет, потому что это наука, голова нужна для изучения и чтобы увидеть, какие головы стреляют, а какие не стреляют. В качестве примера, я не начитан и не учился, но есть один ученый, который снимает головы со злодеев и их измеряет, не знаю, как и что, и не говорю, что знаю, но рассказывают, что у этих злодеев голова имеет особую форму, вот здесь он, и, значит, у него нет головы, она у того ученого. Отлично, что у нас работают ученые, хорошо для науки, и мы у них можем всему научиться, дети, можем научиться.

Опускаются две светящиеся надписи. Одна — ГАЧИНОВИЧ, другая — ДАНИЛО ИЛИЧ.

Гачинович и Илич залезают на скамейку.

Илич. Я, братья, Данило Илич. Некоторые здесь меня уже знают. Здесь могила, у которой мы встретились. Здесь могила нашего первого гимназиста. Люди издеваются, люди не понимают, люди говорят то, что знают, и то, чего не знают. Вот я могу сказать, долой богатеев, богатеи никогда не будет мне братом, никогда он мне не был товарищем, я работаю, а все время голодный. Нет выхода в труде, даже если что-то заработаешь, скопить ничего не можешь, все как в дыру проваливается, все попадает в их карманы, вот здесь Гачинович, он коротко скажет, у нас не так много времени.

Гачинович. Юные братья. Не малый труд, а борьбу, не мир, а войну и победу, труд в ожесточенной борьбе и мир в великой победе.

Илич. Что это — малый труд, объясни юным братьям.

Гачинович. Это распространенное оппортунистическое понимание людей и вещей, основанное на теории “мелкого труда”, бесплодного, узколичного, труда ради самого себя, а не ради Человека, или будущего, или народа, который страдает от несправедливости.

Могильщик свистит в свисток, все убегают со сцены. Илич и один гимназист превращаются в жандармов.

Темнота.

Светящаяся надпись ГАВРИЛО ПРИНЦИП.

Он сам крадучись подходит к могиле.

Зонг “Сердце Данко”

Гаврило Принцип.

В болоте, в темноте, в грязи
Жило одно племя
Пассивное, ленивое, полусонное,
Унылое, слабое и мрачное.
Родился парень Данко,
Захотелось ему увидеть солнце яркое.

Вырос мужчиной Данко,
Сказал он: “Братья мои,
Есть одна страна там,
Сказал он, сестры мои,
Давайте солнце увидим,
Пойдем к свободе,
Может, будет еда, вода”.
Двинулось за ним племя,
И настало еще худшее время —
Болезни, ужас, твердая тьма,
Необъятная вязкая яма
Заглатывает мужчин, заглатывает женщин,
Заглатывает детей, заглатывает скотину,
Нигде ни голоса, ни птицы,
Ни воздуха, ни звезд.
Данко назад поглядел,
Сердце свое вырвал.
Сердце путь указало
И осветило болото.
Увидели люди поля,

Реки, море и горы.
Затоптали люди Данко,
Осталось сердце среди тьмы.

Третья картина Европа

Светящаяся надпись ЕВРОПА.

Светлое утро и щебетание птиц. Два жандарма стоят и вытирают пот.

На сцену выкатывается голова Жераича. За головой — гимназисты и гимназистки, они изображают щенков и лают на голову. Жандармы прогоняют щенков со сцены.

Перепасовывают голову друг другу.

Первый жандарм. Смотри, голова.

Второй жандарм. Я смотрю, а вот что ты делаешь.

Первый жандарм. Я обеспечил проход.

Второй жандарм. Какой еще проход, здесь ни души.

Первый жандарм. Ты разве не заметил, кого тут только ни было.

Жандармы упаковывают голову.

Первый жандарм. Доктор наш еще не проснулся.

Второй жандарм. Образованному человеку нет нужды рано вставать.

Первый жандарм. Солому положили, лед не положили, нужно было положить лед, точно, так не пойдет, не отвечает атмосферным условиям.

Второй жандарм. Да ладно, сойдет.

Зонг “История для слуг”

Жандармы.

Слуга рано встал подоить корову.

Нежно твердое вымя, и телята жалобно мычат.

На дворе еще нет солнца, а белой даме

Снится огромный мир, и белая луна горит.

Муж ее собирается в армию, а мух много

В этой печальной стране, в дыре без солнца и воздуха.

Белая дама спит, и белые руки ее отдыхают,

На горе медведь танцует, и зубы его кровавы,

Народ, притаившись, глядит на одинокую белую даму,

Муж слушает музыку, фортепьяно, где-то настоящая
жизнь.

Белая дама встает, умывает белые руки,
Молоко даму ждет, а телята хрипло мычат,
Солнце красное вышло, дама, много прольется крови,
То, что однажды из ямы вылезет, никогда в нее не
вернется.

Жандармы шуртятся и прикрывают глаза руками.
На сцене толкают белый тюфяк, где Европейский ученый
и его Белая дама заканчивают половой акт. Белая дама берет
ирригатор.
Белая дама подмывается.

Светящаяся надпись ЕВРОПЕЙСКИЙ УЧЕНЫЙ С СУПРУГОЙ.

Белая дама. Милый, здесь ужасно влажно.
Европейский ученый. Еще месяц-другой потерпи.
Белая дама. Я здесь рожать не буду.
Европейский ученый. Разумеется, не будешь, подмы-
вайся.
Белая дама. Если бы это не было грехом!
Европейский ученый. Тогда рожай.
Белая дама. Везде грязь.
Европейский ученый. Нужно гулять. Когда человек це-
лый день сидит дома, ему, конечно, тяжело.
Белая дама. И почему ты не согласился на Италию...
Европейский ученый. Здесь легче получить материал.

Жандармы уходят со сцены, а потом подглядывают. Белая да-
ма делает на тюфяке гимнастические упражнения.

Ассистент толкает стол на колесиках, на нем инструменты
для ученого. Зрелый мужчина надевает белый халат и толка-
ет стеклянную витрину, тоже на колесиках, в витрине несколь-
ко голов.

Европейский ученый и Ассистент рассматривают голову Же-
раича.

Европейский ученый. Повредили голову, хорошо хоть
не сильно.

Ассистент. Мы всё положили так, как вы и сказали.

Европейский ученый. И как вы провели время вчера ве-
чером?

Ассистент. В жизни не бывал в доме хуже. Мусульманки
под замком, здесь их нет, нет таких, знаете, белокожих,
тонкокостных, каких можно было бы себе представить,
так что у Мадам выбор очень плохой, а от нее самой яв-
ственно пахнет чесноком.

Европейский ученый. Есть православные?

Ассистент. Их больше всего, но очень некрасивые. В принципе, что касается православных, то можно легче сойтись с какой-нибудь горничной, или с прачкой, или с фабричной работницей.

Европейский ученый. Это меня вообще не привлекает и может обернуться неприятностями.

Ассистент. Нет, что вы, какие неприятности, все сводится к мелким подаркам.

Европейский ученый. Да и не до того мне, я весь в науке.

Ассистент. Я с огромным уважением отношусь и к вашей работе, и к вашей прекрасной супруге. Это тоже преданность, поехать за мужем сюда, в такое место, да, это преданность.

Европейский ученый. Череп преступника, несомненно. Горный скотоводческий тип, но дегенерированный, не просматривается физическая способность переносить трудности, налицо ментальная неразвитость, вероятно, склонность к депрессии, это видно по своду над бровями, а также обратите внимание на структуру челюсти и лобовую область. Дегенерация еле заметна, но она явно присутствует.

Все аплодируют.

Четвертая картина Большой мир

Светящаяся надпись БОЛЬШОЙ МИР.

Веселая музыка. Превращаются: Сбившаяся девушка — в Шлюху, Ассистент — в Хозяина корчмы, Второй жандарм — в Педика, Европейский ученый — в Гачиновича. Белая дама превращается в Скульптора. Зрелый мужчина сбрасывает белый халат и превращается в Троцкого. Садится рядом с Гачиновичем. Скульптор ваяет из газет голову.

Светящаяся надпись КАФЕ "DE LA ROTONDE", ПАРИЖ.

Гачинович и Троцкий.

Троцкий встает и кланяется публике.

Хозяин корчмы. Прошу вас, подайте грошик-другой, кто сколько может, нашей Розе на венок, она любила лилии, хотя сама была похожа не на лилию, а, скорее, на картофелину.

Шлюха. Выпей рюмку за Розу.

Хозяин корчмы. Спасибо. Вот когда соберу грошиков, куплю венков, и мы все вместе выпьем за Розу. Спасибо, ты всегда давала.

Шлюха. Так раз есть, почему не дать.

Гачинович. Первым, кто что-то сделал, был Богдан Жераич.

Для него сувереном был сербский народ, а единственной партией — мучимые, гонимые, избиваемые плетьюми, но начавшие пробуждаться его представители. Никогда не было бóльшей потребности в герое, чем сейчас.

Шлюха. Хорошенький котик, а какие усики! Котик, хочешь ножку?

Педик. Выглядит голодным. Он, должно быть, какой-нибудь вонючий чех или поляк... Нет, слишком чернявый, тогда, скорее, болгарин, а может, просто чахоточный. Иногда они бывают очень красивыми, этот, правда, совсем не красивый. Даже как-то неприятно выглядит. Не знаю почему, но он вызывает во мне отвращение.

Гачинович. Положение страшное. Среди грамотного населения разброд мнений, смятение, оппортунизм, классовый эгоизм, материалистическое состояние духа, мелкий индивидуализм и жажда заурядно-примитивного наслаждения. На селе все — мрачные, больные, спившиеся, не люди, а почти животные, раньше они бунтовали, да теперь перестали, потому что главное сейчас для них — выжить.

Троцкий. А скотоводы?

Гачинович. Эти сидят с весны до осени на мамалыге и боятся только того, как бы их громом не ударило, да они хуже дикарей, потому что дикарь думает, что он свободен, а этот знает, что не свободен. У вас такое романтическое представление о них из-за нашего эпоса, но что было то прошло.

Троцкий. Молодежь — вот решение.

Хозяин корчмы. Прошу вас, дайте грошик-другой для нашей Розы.

Троцкий дает деньги, Гачинович — нет.

Гачинович. Когда я здесь сижу, мне кажется, что все рядом, просто я очень маленький и мне не дотянуться.

Троцкий. Да. Эти большие города нас пожирают и пожирают, пока не сожрут совсем, а мы всё изумляемся тому, что всё это создал человеческий род, вот он род человеческий, полюбуйся. Это ваше состояние немцы определяют словом “тоска”, состояние, когда вы чувствуете, что что-то важное от вас ускользает.

Шлюха. У меня день рождения, а Роза умерла. Боже мой, она была такой некрасивой, но зато прожила пятьдесят лет.

Педик. Тебе столько не прожить.

Шлюха. Не прожить, и не надо. Роза была ужасно плохой, и вспоминать неохота. Всегда относилась ко мне плохо.

Педик. Не плачь, ты, даже когда не плачешь, выглядишь усталой, а поплачешь, будешь выглядеть еще хуже.

Шлюха. И отправь усатому коту выпить.

Хозяин корчмы относит Гачиновичу шампанское.

Гачинович. Спасибо, красавица.

Шлюха. Иди к нам.

Гачинович. Не могу, у меня есть невеста.

Молодая Шлюха. Чем занимается твоя невеста?

Гачинович. Делает порох.

Шлюха. Должно быть, у нее черные руки.

Гачинович. Не черные, красные.

Шлюха. Ты плохо держишься, котик, как будто у тебя живот болит. Выпрямись, грудь вперед.

Гачинович. Я боюсь выпрямляться.

Шлюха. Почему, котик?

Гачинович. Потому что тогда ты в меня влюбишься.

Зонг “День рождения”

Шлюха и Педик.

У меня сегодня день рожденья,
Лет мне столько, сколько дашь.

Там шел дождь,

Где сына родила я,

Там у меня милый был,

Стройный, как дерево, чистый, как снег.

Перстень теперь закопан,

Головой вниз милый с лесов упал,

Хозяин сказал, что ему наплевать,

А с перстнем рядом, а с перстнем рядом

Сына я положила, укрыла его хорошо.

Пей за меня до утра,

Пей за меня и завтра,

Там у меня был милый,

Сейчас у меня три, сейчас у меня два,

Сейчас армия изготовилась,

Красавчики с заряженными винтовками,

Вояки, подходите и выпейте со мной,

Пьем, едим, валяемся,

Моем уши, моем ноги.
Война пусть начнется, чтоб умер хозяин.
А ребенок заснул под деревом,
Птица пела и улетела.

Скульптор берет голову, “изваянную” из газет, и приносит ее
Гачиновичу и Троцкому.

Скульптор. Сударь, я изваял вашу голову.

Троцкий. Похоже.

Скульптор. Дарить вам ее не буду.

Гачинович. Мне и держать ее негде.

Скульптор. Хочу, чтобы вы знали — у вас голова потрясающей формы.

Троцкий. Не хотите ли выпить?

Скульптор. Вам интересно узнать, как я назову вашу голову?

Гачинович. Как?

Скульптор. Я назову ее Обещание.

Скульптор пьет из их бокалов.

Троцкий. Молодежь — вот решение. Молодые все в основном из деревни.

Гачинович. Потомки безземельных крестьян-батраков.

Троцкий. Да, внуки или даже сыновья батраков, они не привыкли к деньгам и у них нет возможности заработать, а это могло бы удержать их от бунта. У них нет профессии, они еще не знают, что такое комфортабельная жизнь чиновника, они не коррумпированы. У молодежи неопределенное классовое положение. Но они и не батраки, потому что уже получили образование, в развитии общества задний ход невозможен, они уже в чистилище, молодежь — это решение. Хаос пробуждает активность, а не выжидательность, и это так просто — найти револьвер и выстрелить.

Гачинович. Борьба — да, но какая... С кем, когда, как...

Гачинович встает, превращается в Учителя и подходит к микрофону.

Пятая картина Маленький Гавро из Гламоча

Светящаяся надпись МАЛЕНЬКИЙ ГАВРО ИЗ ГЛАМОЧА.

Учитель. На примере семьи Гаврило Принципа видно, как семейное сообщество распадается из-за новых социаль-

ных и экономических условий жизни. Отец Гаврило был главой большой семьи, и при его жизни она угасла и распалась на отдельных членов. Они сеяли кукурузу и смесь из овса и ячменя, и этого им хватало, чтоб прокормиться всего два месяца в году. Семья была вынуждена искать другие источники заработать деньги. Бегу Сиерчичу они платили треть, но не натурой, как было принято раньше, а деньгами. Эта семья всегда была бедной. Известно, что некоторые ее члены при турках служили в охране на границе, или жандармами, а потом, уже при Габсбургах продолжали служить государству. Была традиция, чтобы один из мужчин, членов семьи, был или жандармом, или пограничником, и эта традиция сохранялась вплоть до 28 июня 1914 года, когда один из родственников Гаврило, жандарм, приказал его родителям явиться в отделение в Грахово, потому что: “Гавро убил Вердинанда”. Отец Гаврило, значит, был крестьянином, но занимался и другими делами. Был весьма набожным, не пил, не курил, не употреблял бранных слов и сажал деревья. Но уважать его — не уважали и часто издевались над ним. Тогда почту разносили пешком, в сумке на плече. Однажды он побился об заклад, что среди зимы, в одной рубахе и без обуви пробежит расстояние от Грахова до Попова Брега и обратно.

Все гимназисты одеваются боснийскими крестьянами и крестьянками начала прошлого века.

“Зонг батраков”

Поют все гимназисты.

Гимназисты.

Мы веселые батраки.
Все, что было, уже съели.
Когда турок здесь был главным,
То четыре дня в неделю
Ты на них работать должен,
Хоть песок переносить,
Хоть листья выносить.
Бабы им должны давать.
Батрак последняя скотина.
Сейчас для нас пустили поезда
Прямиком на море,
Больше нас никто не бьет,

Есть у нас и жандармы,
Писари, торговцы.
Читать не умеем,
Писать не умеем,
А дети наши будут торговцы,
жандармы, писари.

Гаврило Принцип идет, несет много книг. Крестьяне окружают его и начинают задирать.

КРЕСТЬЯНИН. Гаврица, что это ты такой злой?

КРЕСТЬЯНКА. Вчера Гаврица моего сына побил. Совсем маленького.

КРЕСТЬЯНИН. Гаврица, а ты и впрямь злой.

ВТОРОЙ КРЕСТЬЯНИН. Отец-то твой где?

КРЕСТЬЯНИН. Я знаю, где — босой бежит с почтой по снегу.
Мы побились с ним об заклад.

КРЕСТЬЯНКА. Упадет, пожалуй, когда добежит отсюда до луга.

КРЕСТЬЯНИН. А я думаю, около моста.

ВТОРОЙ КРЕСТЬЯНИН. По-моему, Гаврица, он не упадет, но простудится, разболеется и будет ночью в постели мочиться.

КРЕСТЬЯНКА. Разъярился наш Гаврица.

ВТОРАЯ КРЕСТЬЯНКА. Что, Гаврица, решил подраться, герой?

КРЕСТЬЯНИН. Вон он, твой отец, бежит по снегу.

ВТОРАЯ КРЕСТЬЯНКА. Ну-ка, Гаврица, пробегись и ты.

КРЕСТЬЯНКА. Ну-ка, Гаврица, задай им всем перца.

КРЕСТЬЯНИН. Раз он так мал, придется ему кулаками помахать.

ВТОРОЙ КРЕСТЬЯНИН. Да, придется, придется.

КРЕСТЬЯНКА. Ты глянь, какой он, матери, поди, за него стыдно.

ВТОРАЯ КРЕСТЬЯНКА. Да чего ж это ему не хватает?

КРЕСТЬЯНКА. Не хочет бежать, только пялится.

ВТОРАЯ КРЕСТЬЯНКА. Не позавидуешь его матери.

КРЕСТЬЯНКА. Говорят, Бежанова мать поет, а Стоянова плачет.

ВТОРАЯ КРЕСТЬЯНКА. Найдет себе Гаврица жену, набегается от нее, когда она за него возьметса.

КРЕСТЬЯНИН. Гаврица, лютый Гаврица, вон твой отец бежит по снегу.

ВТОРОЙ КРЕСТЬЯНИН. Гаврица, а на что тебе столько бумаги? Задницу подтирать?

Крестьяне уходят, но не далеко, стоят в стороне, подглядывают, лузгая семечки и плюясь шелухой.

Мама выходит на сцену, толкая перед собой очаг.

Светящаяся надпись МАМА ГАВРИЛО ПРИНЦИПА.

Он садится рядом с матерью, кладет голову ей на колени и засыпает. Во сне стонет.

[96]

ил 11/2015

МАМА. Почему ты плачешь во сне?

ГАВРИЛО. Потому что темно.

МАМА. Темнота пройдет.

ГАВРИЛО. Здесь, мама, в нашем доме, почему-то всегда темнота.

МАМА. А ты выйди из дому, как солнце взойдет, посмотри на теленка, он сегодня ночью начал вставать на ноги.

ГАВРИЛО. Это наш теленок?

МАМА. Наш теленок.

ГАВРИЛО. А корова — наша?

МАМА. Наша и корова.

ГАВРИЛО. Но мы должны от всего какую-то часть отдавать.

МАМА. Так положено, должны.

ГАВРИЛО. Почему должны?

МАМА. Должны.

ГАВРИЛО. Но есть люди, у которых пять коров.

МАМА. Есть люди, у которых пять коров.

ГАВРИЛО. Почему у тебя, мама, нет пяти коров?

МАМА. Потому что, сын, у меня теленок.

ГАВРИЛО. Я теперь не смогу заснуть.

МАМА. Посиди у огня.

ГАВРИЛО. Почему здесь такой тяжелый воздух?

МАМА. Много людей надышало.

ГАВРИЛО. Почему все дышат в одном месте, почему мы окна не прорубили?

МАМА. Чтобы не было холодно.

ГАВРИЛО. Почему грязи столько, посмотри?

МАМА. Грязь, да, это так, но, когда приходит жара, грязи нет.

ГАВРИЛО. А мухи тогда есть?

МАМА. Мухи есть.

ГАВРИЛО. А почему есть мухи?

МАМА. У каждого свое дело, есть дело и у мух.

ГАВРИЛО. А какое дело у нас, мама?

МАМА. У нас есть жизнь.

ГАВРИЛО. А это что — все, мама?

МАМА. Нет, не все. На нас смотрит добрый Бог, и Он нас спасает.

ГАВРИЛО. А если бы нас спас какой-нибудь человек?

МАМА. Какой человек?

ГАВРИЛО. Какой-нибудь герой.

МАМА. Герои спасают героев, а вот мне надо идти корову доить.

Гаврило. Почему сейчас?

Мама. Плачет корова, просит подоить.

Гаврило. А молоко, оно все наше?

Мама. Нашего столько, сколько положено.

Гаврило. Имераторово молоко, императорово и бегово, вот в чем дело.

Мама. Теленок ты, вот ты кто.

Учитель остается перед микрофоном.

Шестая картина Каменоломня

Светящаяся надпись КАМЕНОЛОМНЯ.

Учитель. Отец Данило Илича, сапожник, умер, когда тому было пять лет, его матери пришлось пойти в прачки. Данило Илич закончил среднюю школу и стал работать: продавцом газет, суфлером в бродячем театре, грузчиком на железнодорожных станциях и на пристани на Саве, в каменоломне, от тяжелой работы здоровье его пошатнулось, потом он получил стипендию и закончил педагогический техникум, его товарищи стали участниками восстания в Македонии, а он работал служащим банка в Сараеве. Вместе с Гачиновичем он познакомился в Швейцарии с русскими социал-революционерами, как раз тут разразилась Вторая балканская война, он пешком отправился в Сербию, чтобы записаться добровольцем, его приняли санитаром в военный госпиталь...

Гимназисты захлопывают книги и поднимают стулья. Переодеваются в рабочих каменоломни. Учитель уходит со сцены.

Рабочий. Почему ты носишь черный бант?

Илич. Чтобы он напоминал мне о преходящей природе жизни.

Рабочий. Это точно, жизнь проходит, проходит.

Илич. У матери пальцы едва шевелятся — настиралась за свою жизнь. Как-нибудь я тебе покажу, как можно стирать несколько вещей одновременно. Это экономия.

Рабочий. Не надо мне этого показывать.

Илич. Знаешь, что труднее всего стирать?

Рабочий. Что?

Илич. Только не смейся. То, что стирают женщины вроде моей матери, этой работой она занималась по ночам, за нее хорошо платят, и от нее глаза вылезают.

Рабочий. Что это?

Илич. Тонкое женское белье. Да, тонкое женское белье. И для чего оно вообще нужно. Для того, чтобы женщины, вроде моей матери, не спали по ночам.

Рабочий. Я не имею ничего против тонкого женского белья.

Илич. Женщина должна быть товарищем, а не ловушкой.

Рабочий. Ох, как бы я хотел сейчас стирать мелкое тонкое женское белье, вместо того чтобы работать в каменоломне.

Старый рабочий. Трещит, раскалывается.

Рабочий. Ох, как бы сейчас косточки затрещали, если бы я схватил кого-нибудь в тонком женском белье.

Илич. Женщина — это товарищ.

Рабочий. Товарищ женщина, приди, хочу дотронуться до чего-нибудь мягкого.

Старый рабочий. Ударяю по камню, камень трескается, падает, стучит.

Илич. Когда стираешь белье, нужно быть осторожным с пуговицами и корсетом.

Молодой рабочий. Корсет расстегиваешь, а из него выпадают...

Старый рабочий. Кому это ты расстегивал корсет? Твои все носят одни только рубашки, а трусов поди и не видели.

Молодой рабочий. Зато им писать удобнее. Да, это не жизнь, братья мои. Это не жизнь, братья, когда нас считают животными.

Зонг “О камне”

Рабочие.

О камень, куда тебя отправят?
Будет ли греть тебя солнце,
Или сладкий дождик мыть,
Кто отбросит тень на тебя,
У кого будешь стоять в головах,
У девочки или у бабки,
У господина или у солдата?
Только ко мне домой не попадешь,
Мой дом моет дождик,
Мой дом войско съест,
Мой дом ветер овевает,
Мой дом беда строила.

Пуговица, поясок, резинка,
Шомпол, винтовка, взбитые сливки.
Доктор, писарь, гимназист —
Каждый дом покинул,
Императору поклониться.
Императору — дом,
Императору — земля,
Императору — камень в головах.
Прыгни император с камня,
Пади император в глубины,
Провались к дьяволу,
Дьявол камень разгрызает мелко,
Дьявол камень на кусочки разгрызает,
Во все стороны он крошками разлетается.
Сапог, щетка, пуля.
Пришла черная пятница.

Седьмая картина Будущее

Светящаяся надпись ЙОВА, ТРУДОЛЮБИВЫЙ БРАТ ГАВРИЛО ПРИНЦИПА.

Зрелый мужчина из Троцкого превращается в брата Гаврило — Йову. Гаврило подметает грубой метлой. Слышится ржание лошадей. Гаврило отставляет в сторону метлу и подает Йове кувшин, чтобы тот умылся. Потом Йова льет воду ему, чтобы и он умылся. Когда Гаврило умылся, Йова его целует и осеняет крестом. Гаврило на него смотрит. Йова сворачивает самокрутку.

Йова. Нету денег, Гаврило, братишка мой младший, нужно работать или чему-нибудь учиться.

Гаврило. Знаю.

Йова. Чего бы ты хотел?

Гаврило. Я бы — в Сербию.

Йова. Да ты что?

Гаврило. Я бы в Сербию, в гимназию.

Йова. Э-э, Белград и гимназия не для таких, как ты.

Гаврило. Я имею право хотеть и стремиться.

Йова. Стремись. Разве я не помогал тебе во всем?

Гаврило. Помогал.

Йова. Я сам сначала был писарем. Ты хочешь быть писарем?

Гаврило. Я? Писарем? Это унижительно.

Йова. А, так... А потом, Гавро, я был извозчиком. Хочешь быть извозчиком?

Гаврило. Если на то пошло, я лучше голодать буду. Извозчиком я не стану.

Йова. А потом, Гавро, я был официантом. Хочешь быть официантом?

Гаврило. Нет.

Йова. Правильно. Тебе бы никто никогда не дал на чай. Потом, Гавро, я был помощником одного предпринимателя, который занимался перевозкой леса. Потому что... Монархия нуждается в древесине. Это известно. Все это, что вокруг, было занято лесами, теперь, Гавро, стало легче дышать, без леса. Как насчет леса, Гавро?

Гаврило. Не по мне.

Йова. Но теперь у меня есть четыре лошади, и я работаю. Ты видел четырех лошадей?

Гаврило. Видел.

Йова. Лесопилку видел?

Гаврило. Да.

Йова. Хочешь работать на лесопилке?

Гаврило. Ну уж нет.

Йова. Жена меня пилит, что ты ничем не занимаешься. Я бы руку себе отрезал, чтоб тебя прокормить, а потом бы и ногу, Гавро. Но так дальше дело не пойдет.

Гаврило. Знаю. Но я тебя уважаю.

Йова. А может, в военное училище — обучение, жилье и питание бесплатные?

Гаврило. Не знаю.

Светящаяся надпись МНЕНИЕ СЕРБСКОЙ УЛИЦЫ.

На виселицу с одной и другой стороны забрались все оставшиеся мужчины, кто во фраке, кто с феской на голове, все поют.

Светящаяся надпись ХОР СЕРБСКИХ ТОРГОВЦЕВ И ЧИНОВНИКОВ.

Хор чиновников и торговцев.

Не хочет ребенок торговцем быть,
Деньгами засаленными пачкать руки,
Кланяться каждому, кто заплатил,
И работать с утра до ночи.

Не хочет ребенок молиться Богу,
Не хочет, чтоб родной дом его был полной чашей,
Полной чашей для его сына.

А хочет ребенок штык в руки,
Своему народу продлевать муки,
На своей земле штыком пускать кровь
И своим телом защищать чужого императора.

Когда ребенок трудится с утра до ночи
И Богу молится, и дом свой наполняет
Засаленными деньгами и честным хлебом,
Тогда он считает деньги, а деньги правят.
Тогда он сможет бороться и за себя, и за своих,
Деньгами и трудом. И сильные мира падут.

Учитель снимает феску и подходит к микрофону.

Учитель. Мать Данило Илича теперь не стирает белье. Зарабатывает на жизнь тем, что сдает комнаты студентам. Так к ней попадает Принцип, и так Принцип и Илич знакомятся.

Восьмая картина Гаврило и Данило

Мама переодевается в Мать Данило Илича.

Светящаяся надпись МАТЬ ДАНИЛО ИЛИЧА.

Данило Илич. Он хороший и серьезный парень.

Мать. Ни о чем не беспокойся.

Данило Илич. Он много думает. Но не думает о своем здоровье, ему нужно напоминать, и чтоб поел, и чтоб поспал.

Мать. Он будет мне как собственный сын.

Данило Илич. Он так сильно хочет учиться, что просто пугает меня.

Мать. И правильно. Моя жизнь была бы намного лучше, если бы в свое время я могла учиться.

Данило Илич. У тебя такие больные руки, мамочка.

Мать. Ну, не страшно, ведь болят они только в начале зимы и в начале весны, в другое-то время руки у меня, как у девушки.

Данило Илич. Так ты и на самом деле, как девушка.

Мать. Ладно, ладно, ступай, занимайся своими делами.

Данило Илич вкатывает на сцену стол с книгами и стул.

За ним идет Гавро, смотрит на него с любовью и восхищением.

Мать на одной половине стола раскатывает тесто для пирога.

Данило протягивает Гаврило книгу. Тот смотрит.

Гаврило. Иногда как подумаю, сколько всего есть на свете, что нужно прочитать, так просто руки опускаются. Но берусь за книгу, читаю, читаю, и все мне становится понятно, хотя бывает и так, что все делается еще непонятно.

нее, чем тогда, когда совсем ничего не читал. Не хочу оставаться здесь, в этом городе, Хочу что-нибудь совершить. Не знаю что, что-нибудь...

Или ч. Покажи мне как-нибудь свои стихи.

Гаврило. Я думаю, что они плохие.

Или ч. У тебя девушка есть?

Гаврило. Я дал зарок хранить чистоту.

Или ч. Ты молодой.

Гаврило. Если бы ты меня учил тому, что знаешь, скажи, чему бы я мог научить тебя?

Или ч. Быть товарищами. Это нормально, когда тот, кто знает больше, учит другого.

Гаврило. Я хороший товарищ?

Или ч. Конечно, раз ты сам спросил.

Гаврило. Мне бы страшно хотелось быть хорошим товарищем. Но больше всего мне бы хотелось отправиться в Сербию, воевать. А тебе?

Или ч. Я не гожусь для армии, здоровье у меня совсем плохое, но я могу помогать по-своему, я служил военным врачом. И снова пойду. Тебе нужно понять, в чем от тебя будет больше пользы. Терпение и время, как сказал бы Кутузов, терпение и время, вот самые главные войны.

Гаврило. Я поеду поцеловать сербскую землю.

Зонг “Земля”

Мать.

Соберу тебе пирожков, когда землю сербскую пойдешь
ты целовать,

Тебе надо что-то есть и где-то спать,

А на армию ты там не обижайся, армия воюет год за

годом,

Мой Данило насмотрелся на раны, мой Данило потерял
здоровье.

Мой Данило выучился в школах и сейчас работой

мирной занят.

Школа и тебе нужна, и мирная работа, так что ты читай,

читай

И учи других тому, что знаешь сам.

Землю поцелуй, раз ты так хочешь, только вот, сынок,

Смотри, земли не наглотайся.

Картина девятая Гаврило целует сербскую землю

Светящаяся надпись ГАВРИЛО ЦЕЛУЕТ СЕРБСКУЮ ЗЕМЛЮ.

[103]

ИЛ 11/2015

Гаврило идет, потом останавливается и целует землю. Подходит офицер с солдатами, они грязные, мрачные, измученные и очень высокие.

Гимназисты — это переодетые в сербов солдаты. Ходят на костылях.

Светящаяся надпись СЕРБСКИЙ ОФИЦЕР.

СЕРБСКИЙ ОФИЦЕР.

Я, малый, в штаны наложил от того, как ты на меня
смотришь,

Но у меня нет времени тебя утешать, пора вести

Два десятка парней под пули или на штыки.

Каждый день, как мухи, гибнут у меня лучшие, не чета
тебе,

Но они, по крайней мере, все же могут уберечься.

Ты для армии не подходишь ни сложеньем, ни годами.

Не годишься, но немного подожди, очередь твоя
придет.

Не могу тебя сейчас обучать, и ни у кого нет времени,

А ты не умеешь ничего. Война дело серьезное и
серьезная работа.

Ступай теперь, а я скручу самокрутку и буду смотреть
туда, где горы,

Там мой виноградник, и я не знаю, уберegli ли его этой
ночью,

Когда град был размером с кулак.

Там мои поля пшеницы, там, далеко, там мои сливы.

Три сына у меня, один мертв, второй ходит в школу,
третий сосет грудь.

Давай-ка возвращайся туда, откуда пришел,

А будешь на меня и дальше так смотреть, убью тебя,

Клянусь кровью.

Солдаты смотрят на пирожки в сумке.

Гаврило. Угощайтесь, герои.

Солдаты молча едят.

Гаврило. Понравилось?

Солдаты молча уходят.

Учитель выходит на сцену, идет к микрофону.

Учитель. Отец Чабриновича к Австрии относился лояльно, а в Сербии он работал и голодал, возвращался домой, в Австрию, потом снова отправлялся в Сербию. Работал он в типографии, и у него постоянно возникали конфликты с хозяевами. Чабринович, если можно так выразиться, любил жизнь гораздо больше, чем Гаврило Принцип.

Десятая картина
Белград, улица Зелени Венац

Светящаяся надпись БЕЛГРАД.

Учитель уходит со сцены.

Светящаяся надпись НЕДЕЛЬКО ЧАБРИНОВИЧ.

Чабринович читает письмо, которое он написал сестре.

Светящаяся надпись ЧАБРИНОВИЧ – ПИСЬМО СЕСТРЕ.

Зонг “Письмо сестре Чабриновича”

ЧАБРИНОВИЧ.

Спрашиваешь меня, по-прежнему ли я за наших?

Да.

Только я стал поумнее, стал другим.

Одно я знаю,

Брата не предавай,

Как предавал наш отец, что был шпионом,

Брата не предавай,

Сестру не предавай,

И мать, и отца,

Если только отец – не предатель,

Тогда отца у тебя нет.

Спрашиваешь, не голоден ли я?

Не особо,

Но бывал много раз.

На день своих именин вы ели жареное мясо,

А я ел черствый хлеб

И плевал кровью.

Комната моя была холодной, влажной.

И я плевал кровью.

Хозяину письмо написал,

Но этот добрый человек меня не услышал.

Та добрая женщина, его жена, меня не услышала.

Когда я увидел собственную кровь, было мне горько,
Пролил две слезы, и было мне жалко,
Потом я опять плевал кровью,
Но не плакал.
Не плакал я и тогда, когда отец меня избивал.
Сейчас я высокий, как он,
Только худой и голодный.
Он наелся со своими, теперь он высокий и толстый.
Башмаки у меня дырявые,
А грязь все не сохнет.
Но это все ерунда, я нашел товарищей,
Нашел в них и братьев, и отца.

Светящаяся надпись ПРИНЦИП, ИЛИЧ, ЧАБРИНОВИЧ И
ГРАБЕЖ ГОТОВЯТ ПОКУШЕНИЕ.

Принцип, Илич и Грабеж выносят стол, как в корчме, бу-
тылку воды, бутылку вина, бокалы и садятся.
Чабринович целует письмо и бросает его в публику, потом са-
дится за стол.
Чабринович и Принцип сидят в корчме. Перед Чабриновичем
бокал вина, перед Гаврило — воды.
Гаврило мрачно молчит, Чабринович ведет себя шумно.

ЧАБРИНОВИЧ. Здесь я вдыхаю воздух свободы. Там нельзя не
ходить в церковь. Нельзя выписывать политические со-
чинения и газеты. Все, что пишешь, покажи директору и
преподавателю, запрещено ходить с тростью, запрещено
собираться на улицах, ходить по улице с девушкой, пусть
даже это родственница. Запрещено ездить на велосипеде
и вступать в разные общества. Нельзя собираться, нельзя
ходить на танцы, нельзя прогуливаться с девушкой.

ГАВРИЛО. Для нас нет ни танцев, ни девушек. Я просто хотел
учиться в гимназии в Белграде, и вот я учусь в гимназии
в Белграде, а Император едет в мой город, чтобы прогу-
ливаться по улицам и чтобы все ему махали или кланя-
лись. Я поеду туда, и я что-нибудь сделаю. Нужно дос-
тать оружие.

ДАНИЛО ИЛИЧ. Достать оружие не трудно, но ты не умеешь
стрелять. Сейчас не время. Я не уверен, что это наш путь.

ЧАБРИНОВИЧ. Мне просто умереть охота, когда я на вас
смотрю.

ГАВРИЛО. Ты же нас один раз водил пострелять.

ДАНИЛО ИЛИЧ. Одного раза недостаточно.

ГАВРИЛО. Ты просто считаешь, что я не смогу.

ДАНИЛО ИЛИЧ. Я не знаю, сможешь ли ты, но я и не знаю,
нужно ли это?

ЧАБРИНОВИЧ. Жизнь — это жизнь, братья мои. Она огромна. А что такое Император?

ГАВРИЛО. Вот почему я не пью.

ГРАБЕЖ. Он больше делает вид, что пьян, а на самом деле не пьян.

ЧАБРИНОВИЧ. Я не пьян. Я вас люблю.

ГАВРИЛО. Тебе повезло. Но ты, друг мой, слишком много болтаешь.

ЧАБРИНОВИЧ. Вот убей меня, если я болтаю.

ГАВРИЛО: Не шути с этим. Мы будем убивать, да, будем убивать, но не тебя. Конечно, если ты не заставишь нас это сделать.

ЧАБРИНОВИЧ. Убей меня, брат!

ГАВРИЛО. Оружие.

ДАНИЛО ИЛИЧ. Найдется. Ты не умеешь стрелять.

ГАВРИЛО. Я не верующий. Я не хочу, чтобы меня учили морали. Ни отец, ни поп, ни кто-то еще. Я высоко моральный человек. Я высоко моральный человек потому, что я — человек, потому, что сознаю свою силу. Отсюда и моя мораль. Жизнь кипит и бурлит во мне, и цель у нее одна.

ЧАБРИНОВИЧ. Уничтожить человека больного, чтобы родился новый здоровый человек. Горячий человек — это одна сила, холодный человек — другая сила, только вялый человек ничто. Вот как я это понимаю.

ГАВРИЛО. Ты любишь жизнь?

ЧАБРИНОВИЧ. Люблю.

ГАВРИЛО. Тогда не ходи.

ЧАБРИНОВИЧ. А если я не люблю.

ДАНИЛО ИЛИЧ. Тогда не знаю, что тебе делать.

ГАВРИЛО. А ты-то любишь жизнь?

ДАНИЛО ИЛИЧ. Да я уже и пожил немного. А вот вы еще не успели.

Трифко Грабеж влезает на виселицу.

Светящаяся надпись ТРИФКО ГРАБЕЖ.

Зонг “Пусти, Император”

ТРИФКО ГРАБЕЖ.

Пусти, Император, нашу страну, пусти ее вниз по течению,

Что будет, пусть будет, сиди себе дома,

Есть дом у тебя, есть дворец,

Есть церковь и армия,

Есть золота много и есть свои дети,

Пусти, Император, не лезь к нам, сиди себе дома,
не подходи.

Я тоже хочу все свое, и страну, и дворец,
И церковь свою, и хочу свою армию,
Хочу свою реку, реку и гору,
Пусть нет ничего другого, хочу, Император, я это.
Пусть сдохну, пусть лопну, хочу, Император, свое.
Будь ты еще больше велик, Император, хоть даже в три
раза,
Все это, оно не твое.

Картина одиннадцатая Путь оружия

Ночь перед деревенским домом, Грабеж, Принцип и Чабринович. Лошадь с поклажей, ее изображает Крестьянин Митар, надев на голову бутафорскую голову лошади. Йова, брат Гаврило, превращается в Чубриловича.

Светящаяся надпись ВЕЛЬКО ЧУБРИЛОВИЧ.

Чубрилович оборачивается лицом к публике и крестится, потом подходит к Гаврило. Ощупывает переметные сумки.

Гаврило. Мы перевозим груз в Сараево для встречи престолонаследника. Нам сказали, что ты нам поможешь.

Чубрилович. Прошу тебя, скажи, вы везете оружие для престолонаследника?

Гаврило. Тебе этого лучше не знать и об этом не говорить, это лучше не только для тебя, но и для твоих близких. А если тебе уж так сильно хочется узнать, то да, везем и собираемся устроить покушение, и раз уж теперь вы это узнали, то лучше вам помалкивать, а если нас выдадите, будете уничтожены...

Чубрилович. А что у вас здесь...

Гаврило. Все, что нужно.

Деревенский дом. Крестьянин Митар снимает с головы бутафорскую лошадиную голову и теперь он просто крестьянин Митар. Гаврило ставит сумки на пол.

Светящаяся надпись КРЕСТЬЯНИН МИТАР.

Митар смотрит на переметные сумки. Местная женщина, повязанная платком, потупившись, поглядывает на Митара. Он кивает ей, она раскатывает ковер. На ковер ложатся Чабринович и Грабеж и тотчас засыпают. Чубрилович, Митар и Гаврило стоят и переглядываются.

ЧУБРИЛОВИЧ. Можешь дать нам телегу для мешков?

КРЕСТЬЯНИН МИТАР. Могу. А это мешки?

ЧУБРИЛОВИЧ. Да.

Женщина расстилает еще один ковер, Чубрилович ставит на него мешки.

Женщина приносит кофе.

Принцип достает из мешка бомбу.

ГАВРИЛО. Это нужно как следует упаковать.

КРЕСТЬЯНИН МИТАР. Поди-ка, женщина, присмотри за волами.

Все смотрят на бомбы. Женщина покидает сцену.

ГАВРИЛО. Каждую бомбу нужно замотать в тряпки, чтобы по дороге не рванула.

КРЕСТЬЯНИН МИТАР. А с чего это, парень, ты так уверен, что у меня есть тряпки?

ГАВРИЛО. Найдешь.

КРЕСТЬЯНИН МИТАР. А если не дам?

ГАВРИЛО. Ты все забыл, что и как было?

КРЕСТЬЯНИН МИТАР. Я не забыл, но я не знаю, можно ли тебе в руки бомбу давать.

ГАВРИЛО. Не твое дело. Если и нельзя, я самого себя подорву.

Достают оружие и рассматривают его.

ЧУБРИЛОВИЧ. Ты умеешь стрелять из револьвера?

ГАВРИЛО. Пробовал.

ЧУБРИЛОВИЧ. Оборони Господь.

ГАВРИЛО. Давай тряпки и мешки и ляжем спать.

КРЕСТЬЯНИН МИТАР. Спи, если хочешь, мне что-то не до сна.

ГАВРИЛО. Ты должен показать нам дорогу.

Гаврило ложится возле мешков с оружием. Делает вид, что заснул, но все видит и слышит.

КРЕСТЬЯНИН МИТАР. Зачем он принес это в мой дом, может все взлететь на воздух. Ладно, если только дом, но случись такое, все можем погибнуть. Черт бы вас побрал. Во что, брат, дом превратили...

ЧУБРИЛОВИЧ. Да не бойся ты ничего такого.

КРЕСТЬЯНИН МИТАР. Как не бояться.

ЧУБРИЛОВИЧ. Они сами себя убьют, чего бы ни сделали.

КРЕСТЬЯНИН МИТАР. А вдруг не убьют...

ЧУБРИЛОВИЧ. Не болтай, сейчас и бомбы молчат, а будешь болтать, бомба скажет свое слово прямо у тебя в доме.

Все встают. Входит ЖЕНЩИНА, скатывает ковры.
Упаковывают бомбы и оружие

Зонг “Горе мне”

[109]

ИЛ 11/2015

КРЕСТЬЯНИН МИТАР.

Ох, гимназисты, горе мне,
Гимназисты приехали, горе мне,
Знай я, спрятался б вовремя.
Дед мой сразу за ружье хватался,
Прадед никому не кланялся.
Уж если студент герой,
Пропадом он пропади,
Если уж я герой,
Чтоб мне пусто было.
Больным притвориться теперь не могу,
Куда податься?
А работать? Да, могу,
Ох, гимназисты, горе мне.
Боже, помоги мне.

Крестьянин Митар опять надевает лошадиную голову.

Картина двенадцатая Гаврило Принцип прощается с жизнью

Светящаяся надпись ГАВРИЛО ПРИНЦИП ПРОЩАЕТСЯ С
ЖИЗНЬЮ.

Парк. Гаврило сидит на скамейке с Девушкой и пытается
положить ей голову на колени.

Снившаяся девушка. Зачем ты пришел?

Гаврило. Я уезжаю, на некоторое время. Нужно кое-что сде-
лать. Вот так.

Снившаяся девушка. А-а. Почему пелерину не снимешь?

Гаврило. Не могу.

Снившаяся девушка. Что, рубашка грязная?

Гаврило. Нет.

Снившаяся девушка. Покажи, если хватит храбрости.

Гаврило. Не могу, просто поддержи немного мне голову, хо-
чу ненадолго закрыть глаза.

Снившаяся девушка. Не могу. Завтра приходи. И возьми
чистую рубашку.

Гаврило. Да чистая у меня рубашка.

Снившаяся девушка. А белье?

Гаврило. И белье чистое.

Снившаяся девушка. Отстань, оставь в покое мои колени. Ты, наверное, напился.

Гаврило. Да я в жизни никогда пьяным не был. Просто хочу ненадолго закрыть глаза.

Снившаяся девушка. Может быть завтра...

Гаврило. Я могу только сегодня вечером.

Снившаяся девушка. Значит, не повезло тебе. Видишь ли, я хожу на музыку, и там все всегда в чистых рубашках.

Гаврило. Можно тебя поцеловать?

Снившаяся девушка. Что я с ума сошла?

Гаврило. Может, мы больше не увидимся.

Снившаяся девушка. Ну, так тем более, незачем целоваться. Что я с ума сошла?

Гаврило. А можно тебя обнять?

Снившаяся девушка. Убирайся. Что ты глаза выкатил, как мертвец?

Гаврило. Я живой.

Снившаяся девушка. Очень глупо прикрывать пелериной узкие плечи, если хочешь целоваться, лучше показать плечи.

Гаврило. А ты целовалась с кем-нибудь?

Снившаяся девушка. Не всерьез.

Гаврило. Можно я положу голову тебе на колени?

Снившаяся девушка. Какой ты горячий.

Гаврило. Вовсе нет. Мне холодно.

Снившаяся девушка. С тобой скучно. Подними голову.

Гаврило. Ну, я пошел, сестренка. Спасибо тебе за все. Если я о чем и пожалею, то только о том, что так и не положил голову тебе на колени, только об этом.

Гаврило встает, кланяется ей и уходит.

Все Мужчины выходят на сцену.

Зонг “Песня парней”

Мужчины.

Что же ты, девчонка, холодна?

Молодость прошла уже, она коротка.

Пока ты выбирала и мною играла,

Зубы потеряла, а грудь твоя обвисла.

Что ж ты, девчонка, меня не любила,

плакать станешь, когда увянешь.

Что же ты, девчонка, холодна?

Под пулю иду, в петлю или на нож.
Что ж ты меня не любила,
Была б моей единственной, была б моей единственной.
Мученик я проклятый,
Меня только мать целовала, ребенком.
Что же ты, девчонка, холодна?
Если бы меня любила,
В песне бы осталась,
Если бы меня любила,
Вечно бы жила.

Картина тринадцатая Чабринович прощается с жизнью

Светящаяся надпись ЧАБРИНОВИЧ ПРОЩАЕТСЯ С ЖИЗНЬЮ.

Снившаяся девушка превращается в Сестру Чабриновича. Она идет, толкая перед собой стол на колесиках. Местная барышня превращается в Бабушку Чабриновича. Мать Данило Илича превращается в Мать Чабриновича, за ней Неделько несет скамейку. Бабушка садится, потом мать уходит.

Светящаяся надпись ДОМ СЕМЬИ ЧАБРИНОВИЧ.

Мать выносит и кладет перед Бабушкой хлеб. Бабушка берет мякиш и кладет кусок в рот.
Все садятся.

БАБУШКА. Если ты состарился, у тебя нет зубов, если нет зубов, не можешь кусать, не можешь кусать, должен умереть, а уж если не умер, можешь радоваться жизни.

МАТЬ. Сейчас отец придет, прошу вас, не ссорьтесь.

НЕДЕЛЬКО. Хорошо, мама, не будем.

СЕСТРА. Братишка, ты сегодня прямо красавец.

БАБУШКА. Буду радоваться жизни.

Отец выходит на сцену.

Светящаяся надпись ОТЕЦ ЧАБРИНОВИЧА.

Отец. Где древко от флага?

Мать. Там, где и стояло.

Сестра. Вон, за той дверью.

Отец. Туман рассеялся, хороший день, прекрасная погода. Утро еще краше, когда вывесишь флаг. Где палка от флага? Сегодня к нам приезжает Император, и я хочу повесить его флаг вот здесь, вот здесь я его повешу, и я

всегда буду вешать, пока я в этом доме хозяин... Или это не мой дом? Или Император не приезжает?

ЧАБРИНОВИЧ. К кому приезжает, к кому — нет.

ОТЕЦ. Кто ничего делать как следует не умеет, тот всех ненавидит и несет вздор, есть такие люди, которым бы лучше не родиться.

МАТЬ. Может, уже суп разольешь?

ОТЕЦ. А что, вы куда-то спешите?

ЧАБРИНОВИЧ. Я — нет.

ОТЕЦ. Да где же палка от флага?

ЧАБРИНОВИЧ. Мне это неизвестно.

ОТЕЦ. Врешь. И даст Бог, твои дети будут так же врать тебе и так же не уважать тебя, как ты меня. Но только смотри, мой усатый, детей у тебя не будет, делать детей тоже уметь нужно. Нужно суметь закончить то, что начал. А усачи все начинают, начинают да ничего не кончают.

ЧАБРИНОВИЧ. Ты прав, детей у меня не будет.

СЕСТРА приносит палку-древко. Отец натягивает на нее флаг монархии и расправляет его.

ЧАБРИНОВИЧ. Может, никто и не увидит твой флаг. Ты что надеешься, если его вывесишь, Император тебя за это по головке погладит?

ОТЕЦ. Мне с моим Императором хорошо, и в этом государстве мне хорошо, вот только в доме моем мне не хорошо, потому что ты ни на что не годишься, но вижу, и тебе здесь не нравится. Так вот, раз этот дом я поставил и раз он мой, а тебе в нем не нравится, милости просим, скатертью дорожка. Мне в моей жизни все нравится, а если не нравится тебе, ты можешь из моей жизни убираться, усач, толку от тебя и так никакого.

ЧАБРИНОВИЧ. Что ж, будь по-твоему.

ОТЕЦ. Если мужчина что сказал, то должен и сделать. Так что — вон из моего дома, и не вздумай возвращаться. Ты и года впроголодь не вынес, вернулся ко мне, пил, ел, а сейчас уйдешь — больше не возвращайся.

ЧАБРИНОВИЧ. Сейчас и уйду.

ОТЕЦ. Уйду, уйду... Так ты и в прошлый раз ушел.

Все едят.

ОТЕЦ. Мне эта страна дала работу, и меня эта страна накормила.

МАТЬ. Ешь, сынок, ешь.

ЧАБРИНОВИЧ. Что-то не хочется. (*Улыбается, вынимает из кармана часы и еще что-то.*)

ЧАБРИНОВИЧ. Мама, вот тебе перочинный ножик и часы.

МАТЬ. Ну нет, тебе самому понадобятся...

ЧАБРИНОВИЧ. Нет, я решил стать серьезным.

МАТЬ. Хочешь, мы тебя женим?

ЧАБРИНОВИЧ. Я и сам собираюсь.

МАТЬ. А какая девушка? Из какого дома?

ЧАБРИНОВИЧ. Из самого лучшего.

МАТЬ. Скажи, какая?

ЧАБРИНОВИЧ. Самая красивая, какая только есть. Когда она целует, ты исчезаешь, тебя нет, многим она снилась, многие ее испугались.

МАТЬ. Чего ж тут пугаться?

ЧАБРИНОВИЧ. Того, что она самая красивая. Самая красивая эта девушка. Бабуля, вот тебе деньги. *(Достает из кармана деньги и дает бабушке.)*

БАБУШКА. Бабке это много.

ЧАБРИНОВИЧ. У моей невесты деньги есть.

БАБУШКА. Врешь.

ЧАБРИНОВИЧ. Бери, бабуля, деньги.

БАБУШКА. Да я не отказываюсь.

ОТЕЦ. А мне ты что дашь?.. Все умничаешь... Ты еще вернешься ко мне. Вернешься, знаю, вернешься и поцелуешь отцу руку, так оно и будет.

ЧАБРИНОВИЧ уходит, смотрит по сторонам в последний раз, СЕСТРА бросается за ним. Остальные продолжают есть.

СЕСТРА. Какой-то ты странный.

ЧАБРИНОВИЧ. Вовсе нет.

СЕСТРА. Мне прямо плакать хочется, такой ты странный.

ЧАБРИНОВИЧ. Я вообще-то собираюсь в дальнюю дорогу.

СЕСТРА. Надолго, значит...

ЧАБРИНОВИЧ. Знаешь, как это мне представляется, не так уж и надолго.

СЕСТРА. И когда же мы увидимся?

ЧАБРИНОВИЧ. Увидимся тогда, когда все станет гораздо лучше.

СЕСТРА. А как же я буду без тебя?

ЧАБРИНОВИЧ. Ничего не поделаешь. Я буду ждать тебя там.

СЕСТРА. А это где, братишка?

ЧАБРИНОВИЧ. Там, куда я направляюсь. Пришлю тебе письмо. Увидишь меня во сне.

СЕСТРА. Не уходи.

СЕСТРА возвращается, садится за стол. К Чабриновичу подходит ФОТОГРАФ.

ФОТОГРАФ. А сколько вы желаете?

ЧАБРИНОВИЧ. Мы желаем шесть фотографий.

ФОТОГРАФ. Прекрасно. Такие красивые усы сами просятся, чтоб их сфотографировали.

ЧАБРИНОВИЧ. Согласен.

ФОТОГРАФ. А для кого фотографии?

ЧАБРИНОВИЧ. Одна матери, вторая бабуле, третья сестре, четвертая девушке, которая меня отвергла, пятая на аттестат зрелости, потому что сегодня мне его вручают, шестая — для смерти.

ФОТОГРАФ. Для кого?

ЧАБРИНОВИЧ. Для самой прекрасной из всех существующих девушек. Для той, которая всем нам снится. На самом деле, если вы серьезно спрашиваете, то шестая фотография для истории.

ФОТОГРАФ. Ладно, ладно. А ты красавец, прямо картинка.
(Уходит.)

Чабринович стоит и смотрит. Сестра Чабриновича превращается в Снившуюся девушку, надевает на голову шляпу. Снившаяся Девушка проходит с коляской, что-то напевая ребенку. Ребенок воркует.

Зонг “Ребенку”

СНИВШАЯСЯ ДЕВУШКА.

Вырастешь, смотри вперед,
Но не так, чтобы в глаза,
Не навверх, не навверх,
А куда-то мимо всех,
Не будь слишком молчаливым,
Не старайся притворяться, что ты лучше,
Что ты лучше, чем ты есть на самом деле,
Потому что мы не то же, что они:
У них мощный Император,
У них много денег,
У них кафедральный собор,
У них строгий закон,
У них школы и прислуга,
И они не то, что ты.
Лучше едят, лучше пьют,
Лучшей водой лица моют.
А ты только будь здоров
И ни в чем не виноват.

Четырнадцатая картина Покушение

ЧАБРИНОВИЧ стоит на виселице. Под виселицей Уличный хулиган задирает Слабоумного.

[115]

ИЛ 11/2015

Уличный хулиган. У тебя сахар на ботинке. У тебя сахар.

Уличный хулиган схватил Слабоумного и не отпускает, Слабоумный смеется, он немного напуган, но ему приятно, что с ним общаются.

Уличный хулиган. Сними и оближи. Полижи сахару, вот так.

Слабоумный слизывает сахар с ботинка.
Чабринович смотрит.

Уличный хулиган. Усатый, гляди, сколько ему сахару досталось. Смотри, чтоб тебя не вырвало. Небось это рафинированный сахар.

Слабоумный. Рафинированный сахар.

Уличный хулиган. Усатый, чего смотришь мрачно?

Слабоумный. Я ходил к доктору.

Уличный хулиган. Расскажи, кретин.

Слабоумный. Я шел вот так. (*Показывает, как его вели к доктору, подталкивая пинками под зад.*) Там меня раздели, чтобы осмотреть. (*Показывает как его держали и как он вырывался.*)

Уличный хулиган. А что они у тебя смотрели?

Слабоумный. Поставили клистир. Поставили клистир.
Клистир первоклассный. Оооой...

Уличный хулиган и Слабоумный смеются.
Чабрилович бросает бомбу.

Светящаяся надпись БОМБА.

Уличный хулиган, Слабоумный и все остальные (кроме Гаврило) хватают Чабриловича, кто за руки, кто за ноги и уносят со сцены.

Гаврило Принцип поднимается на виселицу.

ГАВРИЛО.

Я и сейчас сижу перед очагом,
Темнота наступила быстро, потому что окон нет,
Над глинобитным полом вьется пыль,
Люди тяжело дышат, поглотила их темнота.
Они утомлены тяжелой работой,
Они онемели от муки и горя,

Они не говорят, их глаза блестят,
В жизни никогда они не ели досыта,
И ни днем ни ночью, никогда не оставались наедине с
самими собой.

Тут старые умирают, а дети начинают ходить,
Тут не бывает такого, чтоб отец читал газету,
Тут не бывает такого, чтоб мать красивую песню пела,
Любят ли они друг друга или ненавидят,
Никому нет дела, и это не люди,
Они рычат и мычат, это животные,
Им ничего не нужно только рожать себе подобных,
Да грызться друг с другом возле холодного очага,
Я бы, может, тоже хотел иметь сына,
Я бы, может, хотел увидеть море,
Я бы, может, хотел стихи писать,
Но я вышел из грязи, и я выстрелю.

Гаврило стреляет.
Все набрасываются на него, бьют и уносят.

Светящаяся надпись ВЫСТРЕЛ.

МАМА выходит и поднимается наверх, рядом с виселицей.

МАМА.

Очень было тепло с утра,
С утра солнце жарило,
Я на лугу работала,
Сена носить, не переносить,
Домой вернулась, стирала
И села корову доить,
Тут ребенок с места сдвинулся,
За стену схватилась я,
Вцепилась зубами в тряпку, чтоб не орать,
Выпал ребенок на голую землю,
И завизжал громко, сказал: вот я, мама!
Так Гаврило родился.
Сегодня жду, когда он придет,
И еды приготовила той, которую он любит.

Пятнадцатая картина Суд

Темнота, и в темноте слышен голос Трифко Грабежа.

ГРАБЕЖ. Папа, меня мучили. Туго привязывали нас к какой-то машине, не знаю, как она называется, надеюсь, боль-

ше ее никогда не увижу. Заставляли сидеть на корточках на бочке с цементом, на самом ее краю, так что если упадешь, то лицом прямо в цементную пыль, били нас, пока не потеряем сознание. Несколько раз я терял сознание, это такое блаженство, как будто засыпаешь, только вот потом, когда тебя выдергивают из этого сна и продолжают истязать, мучаешься еще больше. Я ухитрился дать одному в зубы, но, к сожалению, за это они меня не убили, прости меня, папа, что я такое рассказываю. И собаками нас травили, таких окровавленных. Но все это не важно, я просто хочу, чтобы ты знал, мне так больно, что вы из-за меня страдаете, это меня больше всего мучает, папа.

Загорается свет.

Зал суда. Председатель суда стоит в круге света. Вокруг него на стульях сидят подсудимые. Когда кто-то из них говорит, его освещают прожектором. Когда они не говорят, их избивают, поят водой, вытирают кровь, поливают водой из ведер. Избиение происходит в темноте.

По ходу действия Гаврило бьют все больше и больше, Чубриловича бьют только по лицу. Чабриновича бьют. Грабежа бьют. Данило Илича быстро перестают бить.

Председатель суда. Гаврило Принцип!

Гаврило. Я.

Председатель суда. Сколько вам лет?

Гаврило. Девятнадцать исполнилось к моменту покушения.

Председатель суда. Откуда вы родом?

Гаврило. Из Грахова, село Обляй.

Председатель суда. Где учились?

Гаврило. В Белграде, гимназия, восьмой класс.

Председатель суда. Какой вы веры?

Гаврило. Сербско-православной.

Председатель суда. Женаты?

Гаврило. Нет.

Председатель суда. Раньше привлекались?

Гаврило. Нет.

Председатель суда. Неделько Чабринович!

Чабринович. Я.

Председатель суда. Сколько лет?

Чабринович. Девятнадцать.

Председатель суда. Имя вашего отца?

Чабринович. Васа.

Председатель суда. Откуда?

Чабринович. Из Сараева.

Председатель суда. Какой веры?

ЧАБРИНОВИЧ. Православной.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СУДА. Женаты?

ЧАБРИНОВИЧ. Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СУДА. Род занятий?

ЧАБРИНОВИЧ. Типограф.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СУДА. Трифко Грабеж?

ГРАБЕЖ. Я.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СУДА. Имя отца?

ГРАБЕЖ. Джордже.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СУДА. Откуда?

ГРАБЕЖ. Из Пала.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СУДА. Сколько лет?

ГРАБЕЖ. Восемнадцать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СУДА. Какой веры?

ГРАБЕЖ. Православной.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СУДА. Женат?

ГРАБЕЖ. Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СУДА. Где учились?

ГРАБЕЖ. Гимназия, восьмой класс, в Белграде.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СУДА. Раньше привлекались?

ГРАБЕЖ. Да, за пощечину преподавателю Трухельке, осужден на четырнадцать дней тюремного заключения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СУДА. Митар Керович.

МИТАР. Я.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СУДА. Имя вашего отца?

МИТАР. Илия.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СУДА. Откуда?

МИТАР. Из Тобута, район Зворник.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СУДА. Сколько лет?

МИТАР. Шестьдесят пять.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СУДА. Какой веры?

МИТАР. Сербской.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СУДА. Православной?

МИТАР. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СУДА. Сколько детей?

МИТАР. Четверо, одна девочка.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СУДА. Сколько лет младшему?

МИТАР. Этого не знаю. Имя знаю, а сколько лет не знаю.

Избивают Чабриновича. Потом его обливают холодной водой и причесывают.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СУДА. В каких отношениях вы были с Принципом?

МИТАР. Он мой товарищ.

Председатель суда. Ваши идейные позиции совпадали?
Чабринович. Нет. Он был радикальным националистом, а я анархо-социалистом.

Избивают Гаврило. Потом обливают его водой из ведра и приглаживают ему волосы.

Гаврило Принцип. Меня никто не склонял к этому поступку, и я ни с кем ни о чем не договаривался и никому не рассказывал, что собираюсь устроить покушение. В последнее время я не состоял ни в какой организации. Я вообще старался не общаться с людьми, куда бы я ни попадал, меня всюду считали слабаком, человеком, которого погубило чрезмерное чтение книг. Я и притворялся, что слабый, хотя на самом деле я не такой. Я ни в чем не раскаиваюсь и осознаю, что сделал, однако сожалею, что убил герцогиню Гогенберг, у меня не было намерения ее убивать.

Избивают Чабриновича. Потом его обливают водой и причесывают.

Чабринович. Я — радикальный анархист и террорист, я считаю, что существующая система несправедлива и ее необходимо уничтожить. Я ненавижу всех представителей конституционной системы, причем не то или иное лицо как таковое, а каждого носителя власти, угнетающей людей. Такие взгляды у меня сформировались в результате чтения анархистской и социалистической литературы. Мне никто не помогал и никто не знал о моих планах. Я умышленно пошел убивать эрц-герцога, потому что он враг всех славян вообще, а особенно сербов. В том, что я сделал, не раскаиваюсь.

Чабринович выглядит сломленным.

Принципа избивают. Потом обливают холодной водой.

Председатель суда. Какой вам яд дали?

Принцип. Цианистый калий, но мой организм его не удержал, меня сразу вырвало.

Председатель суда. Еще раз вас спрашиваю, считаете ли вы себя виновным?

Принцип. Я не преступник, я убрал того, кто сеял зло. Я хотел добра.

Председатель суда. Почему вы убили ее?

Принцип. Этого я не хотел. Но жертвы неизбежны. Мне жаль только крестьян, которые страдают из-за нас. Мне жалко, что народ мучается.

Председатель суда. Что вы имеете в виду, когда говорите, что народ мучается?

Принцип. То, что народ нищий, то, что его держат за скотину. Крестьяне обнищали, дальше некуда. Я крестьянский сын, я знаю, какова жизнь на селе. Поэтому я хотел отомстить, и я не жалею о содеянном.

Избивают Митара Керовича. Он кричит.

Председатель суда. Ты Митар Керович?

Митар. Я.

Председатель суда. Ты староста общины?

Митар. Я.

Председатель суда. У тебя есть собственная земля?

Митар. Есть.

Председатель суда. Ты батрак?

Митар. Нет.

Председатель суда. Детей кормишь своим трудом?

Митар. Кормлю. И они тоже работают.

Председатель суда. Ты считаешь себя виновным?

Митар. Закон знает, и вы.

Председатель суда. Ты сам знаешь.

Митар. Не знаю. Если Бог все видит, я не виновен.

Председатель суда. Так ты виновен?

Митар. Да, виновен, должно быть, виновен, раз здесь оказался.

Председатель суда. Ты знаешь учителя Чубриловича?

Митар. Знаю.

Председатель суда. Как ты с ним познакомился?

Митар. Я ехал из Тузлы, и у меня сбежала лошадь, и так я пришел в одно село. Там сел выпить, и там был учитель, я с ним познакомился.

Председатель суда. В чем твоя вина?

Митар. Я был дома, пришли два гимназиста.

Председатель суда. Первым пришел Чубрилович?

Митар. Да. Я колол дрова перед домом.

Председатель суда. Кем тебе приходится Велько Чубрилович?

Митар. Он мне кум.

Избивают Принципа. Потом его обливают холодной водой.

Принцип. Я ясно представлял себе: все югославы объединятся. Но для этого нужно освободиться от немцев и Австрии. Я намеревался совершить покушение на лицо, которое представляет эту власть, из националистиче-

ских соображений. Южные славяне должны объединиться. Как — не знаю, это зависит от обстоятельств.

Бьют по лицу Данило Илича.

Данило Илич. Я не говорил о покушении на престолонаследника, мы говорили о покушениях вообще. Я ему прямо не давал понять, что у меня он может получить оружие. Он говорил, что достать оружие трудно, а я сказал, что мне это не трудно.

Бьют по лицу Данило Илича.

Я до самого конца считал, что они не решатся воспользоваться оружием.

Бьют по лицу Данило Илича.

Я стал противником покушения и говорил об этом. Я даже пытался предотвратить покушение. Я понял, что это вредно. Я говорил с Принципом, я хотел, чтобы он согласился со мной. Я увидел, что он заколебался. Я дал им оружие, чтобы они могли потренироваться, и я дал его умышленно поздно, я рассчитывал, что, если у них не будет времени на тренировку, они не решатся на покушение.

Чабринович сломлен.

ЧАБРИНОВИЧ (*плачет*). Я хочу, чтобы вы нас поняли, мы не преступники. Мы любили свой народ. Девять десятых нашего народа крестьяне. Они стонут, жалуются, у них нет школ, нет культуры. Нам это больно. Мы чувствовали боль нашего народа. Я действительно анархист, но во мне не было ненависти к дому Габсбургов. Я вовсе не ненавидел какой-либо другой народ. Я любил свой. Мы все хотели совершить подвиг, Принцип хотел совершить подвиг, мне очень жаль, Франц Фердинанд был отцом семейства. Я слышал, как он сказал: “София, не покидай нас, живи ради наших детей”. Но мы просто люди, которые любили свой народ. Прошу вас убить меня. Я не рассчитывал, что останусь в живых.

Чубриловичу подают стакан с водой.

ЧУБРИЛОВИЧ. Я не виноват в том, в чем меня обвиняют, но я виноват в том, что каким-то образом способствовал убийству.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СУДА. Некоторые здесь говорят, что они не виновны, хотя и совершили убийство. Вы сожалеете о сделанном?

Чубрилович. Сожалею.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СУДА. Сожалеете, что убили конкретное лицо или же сожалеете о последствиях.

Чубрилович. Сожалею и о том, и о другом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СУДА. Почему вы сожалеете?

Чубрилович. Я противник любых покушений.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СУДА. Сожалеете ли вы о супруге престолонаследника?

Чубрилович. Сожалею.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СУДА. Кто вез переметные сумки?

Чубрилович. Не знаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СУДА. Вы у них спросили, зачем им эти сумки?

Чубрилович. Я не помню.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СУДА. Вы говорите, что не участвовали в планах Народной обороны, что вы занимались только вопросами культуры?

Чубрилович. Да, так сказал, это точно. Я думал, что народ нужно поднимать через просвещение и культуру, а не иными способами, и этим я и занимался.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СУДА. Вы угрожали кому-нибудь?

Чубрилович. Я сказал, какое впечатление произвели на меня гимназисты, и я им об этом сказал.

Чубриловича избивают. Грабежа избивают.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СУДА. Вы верующий или атеист?

ГРАБЕЖ. Я верующий.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СУДА. Как вы тогда можете объединять веру с уничтожением Божьего создания?

ГРАБЕЖ. Вера этого не допускает. Что существует, не может быть уничтожено.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СУДА. Ваш отец — священник. Какое воспитание он вам дал?

ГРАБЕЖ. Он дал мне чисто религиозное воспитание в рамках Святого Писания.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СУДА. Как вы следуете его указаниям?

ГРАБЕЖ. Я следовал им ребенком. Следую и теперь, когда считаю это важным.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СУДА. Что именно вы считаете важным?

ГРАБЕЖ. Слова, сказанные на Масличной горе.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СУДА. Вы не носите крест.

ГРАБЕЖ. Мы несем свой крест на плечах.

Избивают Принципа. Потом его обливают холодной водой.

ГАВРИЛО. Я могу испытывать жалость к человеку, но я убил не человека, я убил Императора.

Их всех поливают из шланга. Потом уводят. Женщины губками смывают с пола кровь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СУДА.

Гаврило Принцип — строгое заключение.

Двадцать лет, и каждый год

В день, когда был жестоко убит Император,

Пусть сидит в темной одиночке

И постится раз в месяц.

Неделько Чабринович — строгое заключение.

В день, когда пытался убить Императора,

Темная камера и пост раз в месяц.

Трифко Грабеж — двадцать лет

И три месяца пост.

В день убийства Императора — темная камера-одиночка.

Данило Илич — смерть через повешение.

Велько Чубрилович — смерть через повешение.

УЧИТЕЛЬ. Корреспондент газеты “Франкфуртер цайтунг” описывает, что происходило после покушения, когда толпа бросилась громить сербские дома, квартиры, магазины и склады, уничтожая все, что можно было уничтожить, разграбляя ценные вещи. В отместку за покушение сараевская полиция арестовала многих видных сербских торговцев, интеллектуалов и священников, несмотря на то что сараевские сербы в основном осудили сделанное Принципом.

Все выходят на сцену. На головы надевают фески, если они торговцы, шляпы, если господа, и кепки, если рабочие или студенты, а те, кто изображают крестьян, остаются с непокрытой головой.

ХОР ТОРГОВЦЕВ — это Зрелый мужчина и Снившаяся девушка. ХОР РАБОЧИХ — гимназисты-драконоубийцы.

ХОР КРЕСТЬЯН — Зрелый мужчина, Крестьянин Митар и Нана. ХОР ЧИНОВНИКОВ И ГОСПОД — Учитель и Местная барышня. ХОР СТУДЕНЧЕСКИЙ — гимназисты-драконоубийцы.

Светящаяся надпись ХОР ТОРГОВЦЕВ.

ХОР ТОРГОВЦЕВ.

Дом мой подожгли,

Товары растащили,

А все из-за гада, который нас опозорил,

Все из-за гада, который стрелял,

Из-за того мерзавца и выродка.

За что это нам, любимые наши,

Любимые наши правители?

Мы вам верны, мы не виноваты,

Помогите,
Коль знаете как,
Служить вам будем покуда живы.

Светящаяся надпись ХОР РАБОЧИХ.

ХОР РАБОЧИХ.
Коротка цепь, но длинный кнут,
Кредит возьми, мой кровопийца,
А когда поставишь новый дом,
А когда наполнишь его товаром,
Мы подождем,
Мы все уравнием,
Мы запоем,
Мы новый мир построим.

Светящаяся надпись ХОР ЧИНОВНИКОВ и ГОСПОД.

ХОР чиновников и господ.
Люди, это позор,
Они позорят наш род и школу,
Позорят язык, веру,
Позорят страну нашу,
Посмотрите на всех на них,
Мы не из них,
Посмотрите на всех на них,
Мы из ваших.

Светящаяся надпись ХОР КРЕСТЬЯН.

ХОР КРЕСТЬЯН.
Разве кто-то нас спросил,
Разве кто-то нам что дал,
Разве кто-то на нас смотрел?
Вставай мужик,
Вставай весь род
Защищаться от господ,
Чиновников, ростовщиков,
Торговцев, судей.

Светящаяся надпись ХОР СТУДЕНЧЕСКИЙ.

ХОР студенческий.
Молодой не имеет права жить для себя,
Молодой не имеет права жить для других,
Ни для матери, ни для отца,
Ни для ребенка, ни для жены.
Потому что жизнь — это миссия,

Потому что на него глядит добрый Бог,
Потому что на него смотрит весь народ,
Потому что на него смотрит родина,
Человечество, вселенная.
Молодой — это сила,
Молодой — это душа,
Молодой — это герой,
И молодой умрет
От пули, от петли,
Потому что у молодого нет матери,
Потому что у молодого нет отца,
Потому что у него есть только справедливость,
Только справедливость и истина,
И над всем этим добрый Бог,
Человечество, вселенная,
И он должен отдать жизнь
За свободу и будущее.
Молодой — это одна пуля.
Молодой — это мертвый герой.

Гимназисты устраивают из парт и скамеек тюрьму и сразу начинают перестукиваться, чтобы связаться друг с другом. Заматывают себя бинтами, наносят грим, изображающий кровоточащие раны, синяки, расставляют рядом с собой тазы, ночные горшки, миски.

Шестнадцатая картина Dance macabre

Светящаяся надпись MEMENTO MORI.

Под виселицей тюрьма. В тюрьме сидят закованными в кандалы заключенные. Чубрилович молится. Начинает стучать Гаврило, потом Чабринович, потом Грабеж. Илич все время спит, потом просыпается и тоже принимается стучать. Они стучат кулаками, кандалами. Потом из стука рождается голос поющего. Крестьянин Митар превратился в Палача, он готовит виселицу. Закончив приготовления, садится перекусить.

Гаврило. Где ты был, орел?

Чабринович. Где ты был?

Илич. Спал.

Чабринович. Мы думали, уже виселицу раскачивал.

Гаврило. Это нас ждет, братья мои.

Чабринович. Каково это, на ней качаться?

Гаврило. Каково это, когда умираешь?

Чабринович. Сколько это длится, что думаешь, что делаешь?

Гаврило. Я бы и покачался, но я еще совсем молод.

Грабеж. Через двадцать лет, что тогда будет?

Чабринович. Может, люди отправятся на Луну.

Илич. Может, мужчины смогут беременеть.

Гаврило. Может, не будет больше людей.

Илич. Да, вот бы знать, что может тогда быть. И какой мир ждет всех свободных людей.

Грабеж. От нас никто не будет иметь детей.

Гаврило. Может, у тебя они есть, а ты не знаешь.

Чабринович. Вот и хорошо, что у меня их нет.

Грабеж. Но ты хоть немного погулял.

Чабринович. Погулял, да, руку целовал, погулял да целовал в губы, погулял, да, мы сели на скамейку, но с детьми не успели, со скамейки быстро встали.

Гаврило. Ты хотя бы целовал руку.

Илич. Какая она была, та рука?

Чабринович. Красивее и белее, чем моя.

Гаврило. А что, если и вправду есть ад и рай и если в аду сидит какой-то царь?

Чабринович. А что, если в аду сидит какой-то царь, который любит охотиться и ухаживает за своими усами?

Гаврило. А если вырвать у него усы, аду конец.

Грабеж. А у меня нет усов.

Илич. У тебя ни одного волоска нет.

Грабеж. Вот, здесь есть два-три.

Илич. Где они у тебя выросли?

Грабеж. Один под подбородком, один на руке, а еще один там, куда ветер не задувает.

Чабринович. Выросли, выросли, в тюрьме проросли, в могиле отрасли.

Чубрилович. Если Дама Смерть не любит усы?

Все (*кроме Чубриловича*).

А, Дама Смерть, у тебя белые руки,

А, Дама Смерть, у тебя нежные губы,

А, Дама Смерть, у тебя черные косы,

А, Дама Смерть, у тебя пышная грудь,

А, Дама Смерть, дай ее мне, молодому.

Дама Смерть выходит на сцену, подходит к Чубриловичу и, танцуя с ним, ведет его к виселице. Все свистят и радуются ее появлению.

Чубрилович целует ей руку, кланяется, после чего Палач накидывает ему на шею петлю.

Чубрилович. Я пастырь добрый, а пастырь добрый душу свою кладет за своих овец. Если зерно пшеничное, упав на землю, не умрет, то одно останется, если же умрет, много других родит.

Все (кроме Илича).

О, Дама Смерть, у тебя белые зубы,
О, если б дала мне по-мужски умереть,
О, если б дала мне от меча умереть,
И от петли, и от ножа, о, если б дала мне.
Не хорони меня только живым,
Не оставляй меня только молодым.

Чубрилович мертв и Палач снимает его с виселицы. Дама Смерть ведет на виселицу Илича. Он танцевать не хочет. Падает на колени.

Чубрилович.

Любимая, имя и счастье мое,
Когда получишь это письмо, я буду телом мертв,
А душой буду вас обнимать.
Всех сербских орлов приветствуй
И всем скажи им “прощайте”,
Меня вы не увидите, но я живу,
Живете вы,
И мы будем жить.

Дама Смерть ведет Илича на виселицу, он вяло сопротивляется, голос его дрожит, но он старается держаться.

Илич. Мама, со мной все хорошо, я здоров. Вот, заканчивается мое дело, не так как я думал, но ты не беспокойся.

Палач провожает Илича со сцены. Перемена освещения, тюрьма в темноте.

Светящаяся надпись ПАЛАЧ.

Палач.

Я как хороший австриец, который любит своего правителя, могу рассказать вам все, что и как было. Первое, день какой был, снега было по колени, а рядом с казармой виселица, а вокруг виселицы снег растаял и получилась лужа, а в луже стоял взвод солдат со штыками. Их офицер был в белых перчатках, белых, как снег на горах, и, когда он отдал приказ, сказал ударить в барабаны, в барабаны когда ударили, те двое кричали что-то против Австрии, но никто ничего не услышал. Одно должен сказать вам, они много кричали и голоса их были мужскими. Они убили нашего Императора и ненавидели нашу

страну, но я как хороший австриец должен сказать вам, что более храбрых и спокойных у меня не было за всю мою практику. Также должен сказать, что тот низкий, Чубрилович, когда подошел под столб, начал снимать воротничок и галстук, у него плохо получалось, я предложил помочь, он отказался, хотел сам. Тот, что кривой, Илич Данило, тоже был спокоен, только сказал мне, прошу вас, не мучайте меня долго, а я сказал, не беспокойтесь, я свое дело хорошо знаю, и не пройдет секунды. Я никогда не мучаю, это могу сказать твердо, все делаю очень быстро, и в моих руках еще никто не мучился.

Учитель. Три главных соучастника покушения, Принцип, Чабринович и Грабеж, были посланы отбывать наказание за пределы Боснии и Герцеговины, в военной тюрьме в Терезине. Чабринович умер в 1914-м, а Грабеж — в 1916-м от туберкулеза и плохого питания. Принцип не дожил нескольких месяцев до гибели Габсбургской монархии. Умер 28 апреля 1918-го. Одна рука у него была ампутирована, а тело истощено туберкулезом. По всему телу у него были гнойные раны и грибок. Их переправили в Терезин из-за того, что считали опасным держать в тюрьме, где находились их сограждане.

Семнадцатая картина Дама Смерть и Гаврило Принцип

Гаврило в камере-одиночке. Весь покрыт гнойными ранами. У него галлюцинации.

ГРАБЕЖ, ИЛИЧ и ЧАБРИНОВИЧ переодеваются в Мулла, Францисканца и Православного священника. Они смеются и радуются переодеванию, как будто бы собираются подшутить над Гаврило, хотят, чтобы он их не узнал.

Снившаяся девушка превращается в Даму Смерть, которая видится Принципу в красном.

Гаврило. Кто там?

Мулла. Один и единственный.

Гаврило. Кто он такой? Обязательно должен быть один.

Мулла. Он один.

Гаврило: Кто там?

Францисканец. Там тот, который за тебя страдал.

Гаврило. Он?

Францисканец. Он, сын мой.

Гаврило. Он, если Он есть, я — его.

Францисканец смеется.

ГАВРИЛО. Кто там?

ФРАНЦИСКАНЕЦ. Не могу сказать.

ГАВРИЛО. Рука у меня болит.

ФРАНЦИСКАНЕЦ. Материалист.

ГАВРИЛО. Воняет от меня?

ФРАНЦИСКАНЕЦ. Не могу сказать.

ГАВРИЛО. Кто там?

ПОП. Голубок мой, там царь Лазар.

ГАВРИЛО. Неужели он?

ПОП. Он самый, голубок мой, а рядом с пресвятым святой
Сава и царица Милица.

ГАВРИЛО. А Милош, тоже там?

ПОП. И Милош там, голубок мой, но ты ведь в Бога не веру-
ешь.

ГАВРИЛО. Значит, для меня ничего нет?

ПОП. Нет благословения, нет. Голубок мой.

Дама Смерть подходит к Гавриле и кладет голову ему на колени.
Он улыбается.

ГАВРИЛО. Кто там?

ДАМА СМЕРТЬ. Ничто и святое ничто.

ГАВРИЛО. Что станет со мной?

ДАМА СМЕРТЬ. Ты будешь спать и видеть сны.

ГАВРИЛО. А будут сны?

ДАМА СМЕРТЬ. Должны быть.

ГАВРИЛО. А ты, ты кто такая?

ДАМА СМЕРТЬ. Ты, брат, меня знаешь.

Дама Смерть и Гаврило целуют друг друга в губы.
На сцену выходят все, они одеваются в разные костюмы, кото-
рые снимают с вешалки, кто-то одет как дама, кто-то — проходи-
мец, кто-то — господин, кто-то — студент.

Зонг “Dance macabre”

ДАМА СМЕРТЬ.

Три нитки жемчуга носит дама,
За каждый год, за троих детей,
Муж кровью платит за детей здоровых,
Но напрасно, но напрасно,
В кружевах перчатка белая,
Смерть их уже коснулась, уже коснулась.

ВСЕ.

Лысый брат-францисканец, мулла и поп
Смерть вас сожрала, прыгнула, хоп!

ДАМА СМЕРТЬ.

Толстый торговец дукаты считает
И дочку белую к свадьбе откармливает,
Смерть их забирает, смерть их забирает.

ВСЕ.

Гимназисты за партами пишут стихи,
И девушкам в шею дышат,
Вот пришла смерть,
Берегись, детвора.

ДАМА СМЕРТЬ.

Жандармы вина выпили,
Женщину на колени посадили,
А смерть забыли, а смерть забыли.

ВСЕ.

Еда и вино, и желтый дукат,
Чего они стóят, когда приходит смерть?

Эпилог

На сцене солдат ФРАНТИШЕК.

Светящаяся надпись СОЛДАТ ФРАНТИШЕК.

А потом следующая: НАШИ ТЕНИ БУДУТ ХОДИТЬ ПО ВЕНЕ,
БЛУЖДАТЬ ПО ДВОРЦУ, ПУГАЯ ГОСПОД.

СОЛДАТ ФРАНТИШЕК.

Нас четверо было, тех, кто нес Принципа, чтобы похоронить. Тело его было сильно гнилым, грудь покрыта гноящимися ранами, одна рука ампутирована, другая перетянута проволокой в тех местах, где мясо не держалось. На стене его камеры было что-то написано, я это переписал. Нам пришлось очень осторожно опускать тело в могилу, которая была только что вырыта в обстановке строгой секретности. По-моему, очень нехорошо, что там, кроме Гаврило, лежал еще и молодой преступник, которого положили первым, не знаю, как его звали и что он сделал. И еще одно, могила была вырыта прямо посреди дорожки, по которой проходят люди. Значит, он и тот молодой человек там лежали, а люди сверху, прямо по ним ходили. Я когда пришел домой, то нарисовал план, карту того места, где эта могила, положил его в конверт, спрятал, а позже послал своему отцу. На стене камеры было написано: "Наши тени будут ходить по Вене, блуждать по дворцу, пугая господ". Так

мне перевели, и я запомнил. Не знаю, имеет ли это какую-то ценность для литературы или нет, я вообще-то не испугался, просто считаю, про каждого человека должно быть известно, где его могила. Если кто когда спросит, у меня есть моя карта. Если когда-нибудь кто-нибудь спросит, где эта могила, я смогу туда отвести. Удивительно, каким легким было его тело, оно все распадалось. И как только этот человек столько лет просто гнил и гнил? Странно. Ты меня не понимаешь, потому что не знаешь моего языка. Только одно и понимаешь: “Поцелуй меня”. И когда война закончится, я пойду на то место, я – славянин и я встану там со своим флагом. Так и сделаю, обязательно.

Солдат Франтишек начинает петь, все выходят на сцену, чтобы присоединиться к его пению.

Зонг “Драконоубийцы”

СОЛДАТ ФРАНТИШЕК.

Под камнем растет змея,
В реке дышит тощая рыба.

ВСЕ.

А трава растет от людского пота,
Цветок вырос от многих слез,
Девушка плакала – парня схоронила,
Парень был драконоубийца,
Дом делают из дерева,
А дерево растет на крови.

Конец